

Я впервые увидела Юрия Викторовича Подлипчука в год 30-летия Победы на консультациях по русской литературе, на которые я пришла в аудиторию Хабаровского педагогического института. Он поразил меня яркой нестандартной шевелюрой — что-то вроде каре, как у «Битлов». Голос с картавинкой, круглые очки. Оригинальная манера ведения лекции-беседы шокировала школьников. Говоря о «Евгении Онегине», Юрий Викторович неожиданно произнес: «А Татьяна Ларина — просто дура». Это был ответ на вопрос какой-то десятиклассницы: «Как раскрывать образ Татьяны на экзамене в ее отношениях с Онегиным?». Я это его высказывание записала в общую тетрадь и подчеркнула трижды. Так о классике мне никто никогда не говорил.

Я поступила на филологический факультет. На первом курсе группы делили для практических занятий по «Выразительному чтению». Кастинг проводил Юрий Викторович Подлипчук. Он отбирал для себя «сильную группу» и работал с нею, чтобы в перспективе подготовить участников самодеятельного студенческого театра-студии, которой он долгие годы руководил. Я попала в группу Юрия Викторовича. Началась работа с текстом: делили его на синтагмы и фонетические слова, учились тайнам интонационного рисунка. На зачете читали наизусть «Бой быков» Семена Кирсанова, посвященный Владимиру Маяковскому, и «Песню о Буревестнике» Максима Горького. Думаю, те, кто прошел школу Подлипчука, и сегодня, разбуди их среди ночи и напони, начнут декламировать:

Бой быков!

Бой быков!

Бой!

Бой!

Прошибайте

проходы

головой!

Сквозь плакаты,

билеты

номера —

веера,

эполеты,

веера!..

Бой быков!

Бой быков!

Бой!

Бой!

*А в соседстве
с оркестровой трубой,
поворачивая*

черный

бок,

поворачивался

черный

бык...

Первый курс был пройден. А работа с Юрием Викторовичем продолжалась: он перевел «Слово о полку Игореве», вступив в полемику с официальными переводчиками и версией академика Б. А. Рыбакова. Мы толковали вместе с Юрием Викторовичем «темные места текста» и мечтали, что «наш» перевод опубликуют. Перевод увидел свет только после смерти Ю. В. Подлипчука.

На третьем курсе, когда древнерусская литература была освоена и сдана, Юрий Викторович в конце зимнего семестра предложил нам слушать «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. «Слушать» — это значило, что он будет по-домашнему читать нам вслух. Не знаю, можно ли сегодня представить, что вузовский преподаватель читает студентам вечером роман, а они без дамоклова меча незачета или несдачи экзамена занимают места в аудитории далеко за пределами учебного времени. У нас было так.

Достать «Доктора Живаго» в то время было невозможно. Интернета не было. Существовал только журнальный вариант. Каждый вечер, после занятий, мы собирались в 333-й аудитории, рядом со спортзалом на последнем этаже в корпусе по ул. Дикопольцева. Тогда там жил хабаровский филфак, стояли старые шкафы орехового дерева, а в них, за дверцами со стеклом, книги, книги, книги...

В сумерках мы усаживались кому где удобно, и Юрий Викторович своим неподражаемым голосом актера и режиссера начинал читать. Время летело незаметно. Все ждали следующего вечера и Продолжения.

В один из вечеров я попросила Юрия Викторовича: «Можно мне на ночь взять журналы?» Он удивленно поднял брови и спросил: «Надоело меня слушать?!» Я объяснила, что хочу еще раз пережить все, что в романе, наедине с собой.

Юрий Викторович саркастически протянул: «Ну, ну!..» Журналы дал. Помню, что страницы были зачитаны так, что некоторые слова читала по догадке. Я поняла, что наш преподаватель знает текст почти наизусть! Спать в ту ночь я не ложилась — читала. Вечером вернула журналы. Юрий Викторович ни о чем не спросил и продолжил чтение.

У него обо всем было свое мнение. Не только о литературе. Студенты хотели писать у него дипломные работы. Он был требовательным наставником. О том, что Юрий Викторович фронтовик, мы вспоминали в майские праздники. Он не рассказывал о войне, по крайней мере, моему курсу. Но, когда ставил мини-спектакли или инсценировал стихи военных лет, безошибочно подбирая студентов-актеров, зал замирал. Может, потому, что большая война была к нам ближе, на расстоянии одного поколения — поколения наших отцов. Преподаватели-фронтовики носили «колодочки» на штатских пиджаках и курили с нами, студентами, на переменах в «курилках» на третьем и втором этажах главного корпуса. Тогда же мы о многом успевали с ними поговорить.

Когда сегодня говорят, что педагога можно вырастить, создать, культивировать, я, оглядываясь назад, думаю, что педагогом должен быть только талантливый, увлеченный и добрый человек, которому есть что подарить ученикам. Например, такой, как Юрий Викторович Подлипчук.

